

АВТОРЕФЛЕКСИЯ В «ВЫБРАННЫХ МЕСТАХ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ» И ПИСЬМАХ Н. В. ГОГОЛЯ 1840-х ГОДОВ

*Работа представлена кафедрой русской литературы.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. И. Анненкова*

Статья отражает основные положения кандидатской диссертации автора по теме «Авторефлексия в творчестве Н. В. Гоголя 1840-е гг.», посвящена исследованию форм авторефлексии в творчестве писателя в 1840-е гг.

The present article reflects the principal theses of candidate dissertation «Self-reflection in N. V. Gogol's works of 1840-s» by the author who explores the basic forms of self-reflection in Gogol's creations of 1840-s such as Gogol's self-representation as a prophet, a preacher, a mentor, a literary critic, and his reflection on his own artistic nature by learning friends-artists' creative essence.

В конце XX – начале XXI в. в литературоведении стал часто использоваться введенный в употребление представителями школы рецептивной эстетики¹ термин «авторефлексия» (и его синоним – «саморефлексия») по отношению к разным произведениям литературы. Саморефлексивными С. Бартлетт называет произведения, которые находятся в одном ряду с самопорождающими и самоописывающими текстами, и определяет такие произведения как «произведения художественной литературы и поэтические тексты, которые обладают самореференциальными характеристиками»². Ю. Б. Борев определяет саморефлексию как «глубокий процесс психологического самоанализа (“копание в собственной душе”», понятие, отличное от русского философ-

ского понятия “самосознание” как имеющее более интровертный смысл»³. Под авторефлексией в литературоведении подразумевается устремленность аналитической мысли писателя на специфику своего творчества, а также направленная на изучение создания произведения искусства активность. Такой труд, по мнению Б. С. Мейлаха, представляет собой попытки художника выявить «определенные закономерности, “стратегию творчества”, стремление автора к осознанию принципов своей деятельности, к постоянному анализу хода и результатов работы над произведением»⁴. Ученый считает, что самоанализ является одной из неотъемлемых составляющих творческого процесса. Следы самоанализа проявляются как в самом произведении, так и в разно-

образных текстах, сопровождающих его создание, в число которых, как отмечает Б. Мейлах, входят рукописи, письма, дневники, мемуарно-автобиографические свидетельства и другие сопутствующие появлению произведения записи: «О самоанализе, о наблюдениях над собственным творчеством свидетельствуют не только многочисленные автопризнания писателей, дневники, письма, записные книжки, мемуары современников, но и авторские рукописи, варианты планов, глав, фрагментов, отдельных строк, вся та сетка поправок, которая является не чем иным, как результатом выбора из ряда общих и частных решений. Именно материал самонаблюдений и самоанализа писателя является одним из основных источников изучения творческого процесса»⁵. Таким образом, авторефлексия представляет собой зафиксированное в произведениях исследование художником специфики своей творческой деятельности, ее особенностей, составляющими которого являются самописание и самоанализ.

К традиции самосознания, саморефлексии, продолжая развивать и углублять ее, чувствуя в этом необходимую потребность, Н. В. Гоголь обращается в своем творчестве 1840-х гг., хотя, как отмечает К. В. Мочульский, «загадка собственной природы занимала Гоголя с юношеских лет»⁶. А. Н. Лазарева описывает процесс авторефлексии в творчестве Гоголя 1840-х гг. следующим образом: «Отношение человека к чему-то другому свертывается и превращается в отношение к самому себе. А это и есть рефлексивное отношение. В художественном творчестве оно выступает как осознание творческого процесса: искусство обращает взор на себя (повесть “Портрет”), а в субъективном плане – художник углубляется в свой внутренний мир»⁷. Появление авторефлексии в творчестве Гоголя связано с совершенствованием внутреннего мира писателя через обращение к традиции христианского и мистического душеведения⁸, а также с работой автора «Выбранных мест из переписки с друзьями» (да-

лее «Выбранные места») над улучшением своих писательских способностей. Гоголь совершенствуется, с одной стороны, как человек и христианин, с другой – как писатель⁹. В творческом сознании Гоголя в 1840-е гг. формируются две основные задачи: духовно-нравственное совершенствование и улучшение своих писательских навыков.

Авторефлексия в творчестве Гоголя 1840-х гг. имеет различные формы проявления: от комментирования и (пере)толкования автором своих сочинений¹⁰, до «самопросвещения» и «самовоспитания»¹¹.

В число основных способов саморепрезентации в творчестве Гоголя 1840-х гг. входит отождествление себя с образами пророка, проповедника, наставника, советника, литературного критика, мессианского учителя¹² и др.¹³, в той или иной степени являющимися обликами гоголевского «я». В применении к себе этих амплуа проявляется авторефлексия в творчестве писателя в 1840-е гг.¹⁴. Репрезентируя себя на страницах «Выбранных мест» в качестве каждой из перечисленных выше фигур, писатель, по всей видимости, имел намерение показать сильные стороны своего «я», дав тем самым положительный пример читателям, что входило в число авторских замыслов. В отличие от своих писем 1840-х гг., в «Выбранных местах» Гоголь почти не говорит о своих слабостях и болезненных состояниях духа, так как одной из главных задач книги является создание образа сильного духом писателя, практически тождественного ветхозаветным пророкам¹⁵ и входящего в ряд используемых писателем средств саморепрезентации в этот период. Гоголь употребляет разные, в том числе авторефлексивные, средства и приемы словесного искусства, среди которых большое место занимает стилизация под библейские тексты с использованием христианской символики и тематики, а также специфического тона повествования для формирования в «Выбранных местах» образа ветхозаветного пророка, используемого для усиления проповеднического эффекта книги. В

главе XV «Выбранных мест», давая творческие рекомендации своему корреспонденту, Гоголь уподобляет активность поэта действиям ветхозаветного пророка, не говоря об этом прямо, но всячески подчеркивая это языковыми средствами: «Нет, отыщи в минувшем событии подобное настоящему, заставь его выступить ярко и порази его в виду всех, как поражено было оно гневом Божиим в свое время. <...> Разогни книгу Ветхого Завета: ты найдешь там каждое из нынешних событий, ясней как день увидишь, в чем оно преступило перед Богом. <...> Нужно, чтобы твои стихи стали так в глазах всех, как начертанные на воздухе буквы, явившиеся на пиру Валтасара, от которых все пришло в ужас еще прежде, чем могло проникнуть самый их смысл. А если хочешь быть еще понятней всем, то, набравшись духа библейского, опустишься с ним, как со свечечем, во глубины русской старины. <...> Старина даст тебе краски и уже одной собой вдохновит тебя!»¹⁶. Гоголь добивается эффекта отождествления современного ему поэта с ветхозаветным пророком через посредство создания возвышенного пафоса, использования торжественного слога, употребления церковно-славянской лексики.

К разновидностям проявления авторефлексии в творчестве Гоголя 1840-х гг. можно отнести осмысление писателем себя не только через обращение к природе своих произведений, но и посредством сопоставления своего писательского наследия с творчеством разных художников слова. Рассматривая свое творчество «сквозь призму творчества других художников»¹⁷, говоря о произведениях поэтов-современников и подразумевая при этом свое творчество, Гоголь использует фрагменты из личной переписки, превращая их в своеобразную проповедь-наставление, обращенную к соратникам по цеху (например, к Н. М. Языкову). Так, письмо Гоголя к Языкову (2.12.1844) использовано при создании XV главы «Выбранных мест» «Предметы для лирического поэта в нынешнее время».

Письмо Гоголя и глава книги имеют авторефлексивный характер, хотя в этих текстах речь не идет непосредственно о произведениях писателя. В начале письма к Языкову Гоголь дает понять, что осмысляемое им творчество его корреспондента (в более широком смысле – художника слова вообще) является неотъемлемой частью его собственного творческого сознания. Духовно-творческое единство между писателем и поэтом, которое подразумевает Гоголь, подтверждается тем, что писатель радуется за успех стихотворения Языкова, особенно в глазах В. А. Жуковского, как за успех своего собственного произведения. В этом же письме к Языкову Гоголь подчеркивает общность мыслей, чувств, переживаний и даже болезней у близких по духу художников. Глубокое понимание писателем особенностей эпохи, проблем, потребностей и страданий, сопровождающих творческий путь художника слова, может возникнуть лишь у творческого человека, пережившего на собственном опыте ряд похожих ситуаций, прошедшего сходный творческий путь. Говоря о творчестве Языкова или какого-либо другого поэта или писателя, Гоголь в какой-то степени имеет в виду и свое творчество тоже, поэтому некоторые высказывания о произведениях Языкова имеют отношение и к гоголевскому творчеству. В этом случае авторефлексия проявляется в том, что Гоголь понимает наличие множества точек соприкосновения между его творчеством и поэзией Языкова, таких, например, как сходство некоторых творческих целей и задач, рекомендуя поэту применять те приемы, которые использовал или собирался использовать сам в своем творчестве. Так, Гоголь советует Языкову пользоваться библейской тематикой и стилистикой, которые сам же использует в «Мертвых душах» и предполагает использовать в своих последующих произведениях. Хотя такая разновидность авторефлексии имеет место в «Выбранных местах» и в письмах Гоголя 1840-х гг., существует разница между формами ее воплощения, во

многим обусловленными целями и задачами книги, с одной стороны, и спецификой эпистолярного жанра и особенностями гоголевских писем – с другой. Таким образом, в процессе размышлений на очень близкие для самого писателя и для рассматриваемого им художника темы, в ходе которых Гоголь осознанно или на подсознательном уровне осмысляет свое творчество и свое отношение к нему, соотнося и то и другое с творчеством данного художника и восприятием его творчества, осуществляется авторефлексия, в которой находит отражение сложная диалогическая кросскреативная общность художников.

По контрасту с «Выбранными местами» авторефлексия в письмах Гоголя 1840-х гг. более подробно и полно раскрывает внутренний мир писателя со всеми его различными переживаниями, беспокойствами и стремлениями (например, в письмах к А. М. Виельгорской (29.10.1848) и к В. А. Жуковскому (14.12.1849)). В письмах этого периода Гоголь достаточно полно представляет свое «я» и предстает перед корреспондентами скорее как частный человек, чем как общественный, каким он в большинстве случаев выступает со страниц «Выбранных мест». Таким образом, авторефлексия в письмах Гоголя 1840-х гг. в отличие от «Выбранных мест» имеет более субъективный характер, в фокус пристального внимания попадают в большей степени личностные характеристики писателя, чем его устремления и представления в сфере общественной деятельности, нашедшие свое воплощение в книге.

Авторефлексивные фрагменты значительной части писем Гоголя 1840-х гг., проникнуты более мягким тоном, контрастирующим с наставительным пафосом большей части глав «Выбранных мест». Это видно при сравнении самого начала многих писем с вступительными частями большинства глав «Выбранных мест». Часть писем Гоголя, особенно тех, которые адресованы близким друзьям и женщинам, начинается характерными для эпистолярной традиции того времени вежливыми обращениями,

такими как, например, «моя добрая» (письмо к А. О. Смирновой от 22.02.1847), «добрейшая» (письмо к А. М. Виельгорской от 14.05.1846), а также иногда сопровождается своеобразными вступлениями, в которых писатель осведомляется о здоровье и самочувствии своих корреспондентов, расспрашивает их о подробностях их жизни, окружающей действительности. Примером гоголевского письма, включающего в себя указанные элементы, можно считать письмо Гоголя к А. М. Виельгорской (14.05.1846). Наличие подобных признаков эпистолярного жанра отличает характерный для писем Гоголя тон от пафосного звучания большинства глав «Выбранных мест».

Одним из проявлений авторефлексии в письмах Гоголя 1840-х гг. является высказываемое в них отношение писателя к своим произведениям. В отличие от писем практически во всех главах «Выбранных мест», исключая главу XVIII «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”», Гоголь не уделяет много внимания подробностям своего творческого процесса, ограничиваясь общими, переведенными в учительско-назидательную плоскость, часто пафосными, высказываниями о своих произведениях. В части писем 1840-х гг. Гоголь достаточно подробно воссоздает обстановку, сопровождающую его творческий процесс. Так, некоторые встречающиеся в письмах авторские определения текстов указывают на фрагментарность и незавершенность построения гоголевских произведений. Признание Гоголем существующих в его творениях недостатков свидетельствует как о потребности в критическом осмыслении своего творчества, так и об объективном и аналитическом взгляде писателя на свое творчество. Гоголь обращается к своим корреспондентам с просьбами высказывать мнения по поводу его произведений, чтобы выявлять недостатки для дальнейшего улучшения своих творений. С настойчивой просьбой читать и комментировать его произведения писатель обращается, например, в письмах к Жуковскому

(26.06.1842) и Н. М. Языкову (28.05.1843). Гоголю необходим взгляд другого художника (часто критический) на его произведения не только для их улучшения, но также для совершенствования своих писательских навыков.

1840-е гг. проходят для Гоголя под знаком глубокой исповедальности, обусловленной, с одной стороны, переживаемыми писателем духовными кризисами, с другой – назревавшей потребностью самообъяснения и объяснения читателям своих поступков и творчества. Объединяющая писателя с В. А. Жуковским авторефлексия проявляется в исповедальной тональности многих писем Гоголя к поэту, для которых характерна довольно высокая степень откровенности, обусловленная потребностью в исповеди близкому по духу человеку, эксплицируемая Гоголем, например, в его письме из Неаполя от 10.01.1848. Исповедальность свойственна не только письмам Гоголя, но и его произведениям, особенно «Выбранным местам» и «Авторской исповеди», относящимся к корпусу автобиографической литературы, основным элементом которой «является фиксированный личный опыт, документальность авторского “я”»¹⁸. Направленность творчества Гоголя 1840-х гг. на произведения исповедальной традиции отмечает С. А. Гончаров¹⁹. По мнению Р. Н. Поддубной, «Гоголя неприятие книги (“Выбранных мест из переписки с друзьями”. – К. К.) современниками обидело. <...> Однако Гоголь решительно преобразовал традицию, лишив жанр литературной условности (как у Руссо) и попытавшись аутентичную исповедь (как у Августина) сделать “повестью” о собственной душе, сердце и поприще»²⁰. Высокая исповедальность характерна для предисловия и XVIII главы «Выбранных мест» «Четыре письма по поводу “Мертвых душ”». По своей ис-

поведальности и по назидательно-дидактической функции²¹ «Выбранные места» близки к восходящему к житию протопопы Аввакума самоотчету-исповеди, исследованному еще М. М. Бахтиным²². Таким образом, часть написанного Гоголем в 1840-е гг. обладает чертами произведений исповедально-автобиографической традиции.

Авторефлексия в творчестве Гоголя 1840-х гг. представляет собой разновидность углубленного самоанализа, осуществляемого писателем не только через рассмотрение своего внутреннего мира и творчества, но и посредством творческого общения с близкими по духу людьми, а также попыток анализа и улучшения взаимоотношений с ними. Авторефлексия у Гоголя в этот период проявляется в отношении писателя к своему творчеству, в осмыслении своей креативной природы через рассмотрение своих произведений и посредством сопоставления своего писательского наследия с творчеством других художников слова, а также принимает формы толкования, перетолкования, комментирования автором своих произведений и саморепрезентации писателя в качестве пророка, проповедника, наставника, советника, литературного критика, мессианского учителя и других образов, в той или иной степени являющихся обликами гоголевского «я». Авторефлексия в письмах Гоголя к близким ему по духу корреспондентам, каждый из которых по-своему важен для писателя, проявляется также в том, что в общении с ними Гоголь раскрывает разные стороны своего характера и внутреннего мира, что отражается в соответствующем специфическом тоне его писем. В отличие от писем Гоголя 1840-х гг., в которых авторефлексия предстает органично присущей сознанию писателя, в «Выбранных местах» авторефлексия преимущественно служит воплощению авторских замыслов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анцыферова О. Ю. Литературная саморефлексия и проблемы ее изучения // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Филология. 2000. Вып. 1. С. 5.

- ² *Bartlett S. J. Varieties of Self-Reference || Self-Reference. Reflection on Reflexivity. Boston, 1987. P. 18.* (Цитата дана в переводе автора – К. А. Крылова.)
- ³ *Борев Ю. Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М., 2003. С. 394.*
- ⁴ *Мейлах Б. С. Талант писателя и процессы творчества. Л., 1969. С. 44.*
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 27.*
- ⁷ *Лазарева А. Н. Рефлексивность как детерминанта художественного воззрения // Динамика культуры: теоретико-методологические аспекты. М., АН СССР, 1989. С. 86.*
- ⁸ *Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. С. 120.*
- ⁹ *Раннику К. К проблеме поэтики «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Русская филология: Сб. научн. работ молодых филологов. Тарту, 1996. С. 115.*
- ¹⁰ *Гончаров С. А. Творчество Н. В. Гоголя и традиции учительной культуры. СПб., 1992. С. 12.*
- ¹¹ *Лазарева А. Н. Указ. соч. С. 82.*
- ¹² *Паперный В. О творчестве позднего Гоголя // Лотмановский сборник. 3. М., 2004. С. 314.*
- ¹³ Там же. С. 314–315.
- ¹⁴ *Крылов К. А. Самообраз писателя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» как разновидность авторефлексии в творчестве Н. В. Гоголя 1840-х годов // Филологические записки: Сб. ст. СПб., 2006. С. 10.*
- ¹⁵ *Коцингер С. Значение Державина для творчества Гоголя: некоторые аспекты // Гоголевский сборник / Под ред. С. А. Гончарова. СПб., 1993. С. 179.*
- ¹⁶ *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. VIII. М.; Л. 1952. С. 278–279.* Далее тома и страницы по этому изданию указаны в круглых скобках после цитаты.
- ¹⁷ *Крылов К. А. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя: «Существо» и «особенность» гоголевского «Я» в контексте русской поэзии // История литературы как филологическая проблема: Сб. научн. ст. СПб., 2006. С. 72–73.*
- ¹⁸ *Смольнякова И. Л. Соотношение форм авторского «я» как жанрообразующий признак мемуарно-автобиографической литературы // Проблемы литературных жанров: Материалы третьей научной межвуз. конф. 6 февр. – 9 февр. 1979 г. Томск, 1979. С. 24.*
- ¹⁹ *Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. С. 262.*
- ²⁰ *Поддубная Р. Н. «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и «Исповедь» Л. Толстого (авторские установки и законы жанра) // Кормановские чтения. Вып. 2. Мат. межвуз. науч. конф. (апр. 1994). Ижевск, 1995. С. 150.*
- ²¹ *Бахтина О. Н. Самоотчет-исповедь в житии протопопа Аввакума (проблема жанра) // Проблемы литературных жанров: Материалы IX Междун. научн. конф., посвящ. 120-летию со дня основания Томского государств. ун-та 8–10 декабря 1998 г. Часть I. Томск, 1999. С. 40.*
- ²² *Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. Смысловое целое героя // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 124.*